

А.Л. Цуканов

Иван Денисович

Иван Денисович — герой повести-рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1959–1962). Образ Ивана Денисовича как бы сложен автором из двух реальных людей. Один из них — Иван Шухов, уже немолодой боец артиллерийской батареи, которой в войну командовал Солженицын. Другой — сам Солженицын, отбывавший срок по пресловутой 58-й статье в 1950–1952 в лагере в Экибастузе и тоже работавший там каменщиком. В 1959 Солженицын начал писать повесть «Щ-854» (лагерный номер зека Шухова). Затем повесть получила название «Один день одного зека». В редакции журнала «Новый мир», в котором впервые была напечатана эта повесть (№ 11, 1962), по предложению А. Твардовского ей дали название «Один день Ивана Денисовича».

Образ Ивана Денисовича имеет особое значение для русской литературы 1960-х наряду с образом доктора Живаго и поэмой Анны Ахматовой «Реквием». После опубликования повести в эпоху так называемой хрущевской оттепели, когда был впервые осужден «культ личности» Сталина, Иван Денисович стал для всего тогдашнего СССР обобщенным образом советского зека — заключенного советских исправительно-трудовых лагерей. Многие бывшие осужденные по 58-й статье узнавали в Иване Денисовиче самих себя и свою судьбу.

Иван Денисович Шухов — герой из народа, из крестьян, судьбу которого ломает беспощадная государственная система. Попав в адскую машину лагеря, перемалывающую, уничтожающую физически и духовно, Шухов пытается выжить, но при этом остаться человеком. Поэтому в хаотической круговерти лагерного небытия он ставит самому себе предел, ниже которого не должен опускаться (не есть в шапке, не есть рыбы глаза, плавающие в баланде), — иначе гибель, сначала духовная, а потом и физическая. В лагере, в этом царстве беспрерывной лжи и обмана, гибнут именно те, кто предает себя (лижет миски), предает свое тело (околачивается в лазарете), предает своих (стукач), — ложь и предательство губят в первую очередь именно тех, кто им подчиняется.

Особые споры вызвал эпизод «ударного труда» — когда герой и вся его бригада вдруг, словно забыв, что они рабы, с каким-то радостным энтузиазмом берутся за укладку стены. Л. Копелев даже назвал произведение «типичной производственной повестью в духе соцреализма». Но этот эпизод имеет прежде всего символическое значение, соотносимое с «Божественной комедией» Данте (переход из нижнего круга ада в чистилище). В этом труде ради труда, творчестве ради творчества Иван Денисович строит уже не пресловутую ТЭЦ, он строит себя, вспоминает себя свободного — он возвышается над лагерным рабским небытием, испытывает катарсис, очищение, он даже физически перебарывает свою болезнь. Сразу после выхода «Одного дня» в Солженицыне многие увидели нового Льва Толстого, а в Иване Денисовиче — Платона Каратаева, хотя он и «не округл, не смирен, не спокоен, не растворяется в коллективном сознании» (А. Архангельский). В сущности, при создании образа Ивана Денисовича Солженицын исходил из мысли Толстого о том, что день мужика может составить предмет для такого же объемистого тома, как несколько веков истории.

В определенной степени Солженицын противопоставляет своего Ивана Денисовича «советской интеллигенции», «образованщине», «платящей подать в поддержку обязательной идеологической лжи». Споры Цезаря и кавторанга о фильме «Иван Грозный» Ивану Денисовичу непонятны, он от них отворачивается как от надуманных, «барских» разговоров, как от надоевшего ритуала. Феномен Ивана Денисовича сопряжен с возвращением русской литературы к народничеству (но не к народности), когда в народе писатель

видит уже не «правду», не «истину», а сравнительно меньшую, по сравнению с «образованщиной», «подать лжи».

Еще одна особенность образа Ивана Денисовича в том, что он не отвечает на вопросы, а скорее задает их. В этом смысле значителен спор Ивана Денисовича с Алешкой-баптистом об отсидке как страдании во имя Христа. (Этот спор напрямую соотносится со спорами Алеши и Ивана Карамазовых — даже имена героев те же.) Иван Денисович не согласен с таким подходом, но примиряет их печеньем, которое Иван Денисович отдает Алешке. Простая человечность поступка заслоняет и иступленно-экзальтированную «жертвенность» Алешки, и упреки Богу «за отсидку» Ивана Денисовича

Образ Ивана Денисовича, как и сама повесть Солженицына, стоит в ряду таких явлений русской литературы, как «Кавказский пленник» Пушкина, «Записки из мертвого дома» и «Преступление и наказание» Достоевского, «Война и мир» (Пьер Безухов во французском плену) и «Воскресение» Л. Толстого. Это произведение стало своего рода прелюдией для книги «Архипелаг ГУЛАГ». После выхода в свет «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицын получил от читателей огромное количество писем, из которых позже составил антологию «Читают “Ивана Денисовича”».